

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию игумена Дионисия (Шлёнова)
на тему

**«В защиту соборного устройства Православной Церкви:
теория первенства Константинопольского патриарха и её критика»,
представленную на соискание учёной степени доктора богословия**

Диссертация игумена Дионисия (Шлёнова) посвящена одной из самых острых и волнующих проблем современного православного богословия — оценке того, насколько оправданны и правомочны действия Константинопольского Патриархата, совершаемые в отношении других Церквей, с точки зрения канонического права и православной экклезиологии.

По словам отца Дионисия, «поводом к написанию [диссертации] послужило признание Константинопольским Патриархатом двух раскольничьих деноминаций на Украине в 2018 — начале 2019 года» (с. 28). Переломный характер именно этих церковных актов объясняется в диссертации тем, что «антиканоничность предпринятых мер столь велика, что в случае их признания любой Церковью, этой Церкви придётся встать на путь переосмысления традиционных ценностей и отступления от истины» (с. 1299). Тем самым, в понимании автора, вопрос вышел далеко за рамки богословской дискуссии и приобрел жизненно важное сотериологическое измерение.

В диссертации осуществляется опыт системного анализа и критики того, что игумен Дионисий называет «теорией первенства Константинопольского патриарха» — учения, которое, по убеждению автора, приходит в непримиримое противоречие с традиционной православной экклезиологией и ведет не к созиданию, а напротив — к разрушению церковного единства. Своей конечной целью автор видит «обоснование необходимости отвержения этой теории как предельно опасной для мирового Православия» (с. 15).

Наряду с отправными эпизодами 2018 г., которые воспринимаются в диссертации как «пик распространения теории первенства Константинопольского патриарха» (с. 1279), в работе выделяется другая, не менее «важная веха» (с. 126). Таковой отец Дионисий считает Критский Собор 2016 г., который, по его оценкам, «оказался во многом переломным событием» (с. 271, 926). Диссертант отмечает, что «после Критского Собора идеология теории первенства приобрела законченные черты» (с. 127). Таким образом, в работе уделяется подчеркнутое внимание событиям самого новейшего времени и выработке их корректной богословско-экклезиологической интерпретации.

Вместе с тем, рамки диссертации не ограничиваются только современным периодом или каким-то узким тематическим сюжетом. Перед нами широкое панорамное исследование, в котором органично переплетены догматические, канонические, исторические, терминологические и политические аспекты изучаемого вопроса, рассматриваемые на всем протяжении двухтысячелетней церковной истории. Избранный автором ракурс позволяет увидеть проблему первенства не фрагментарно, а как комплексный феномен, что несомненно является одним из больших достоинств диссертации. Обратной стороной

такого подхода, по признанию самого автора, оказывается «некоторая разноплановость глав диссертации» (с. 1337). Диссертация, действительно, имеет довольно дробную и неоднородную структуру. Несмотря на это, общий исследовательский фокус позволяет автору выстроить из разрозненных частей хоть и пеструю, но вполне целостную картину.

Сосредоточив свои силы на анализе содержания и выявлении системообразующих элементов теории первенства, отец Дионисий приходит к весьма важным результатам, которые вовсе не являются чем-то самоочевидным. Прежде всего теория первенства предстает в диссертации как «единая цельная система» (с. 1306) — автор формулирует это как вывод, — что конечно же побуждает к более серьезному и осторожному к ней отношению. Отец Дионисий убежден, что, несмотря на эту мнимую «системность», для теории первенства «невозможно найти серьёзные обоснования в церковной традиции» (с. 1198). Он последовательно вскрывает «призрачность и ложную “нормативность” теории первенства» (с. 1299), показывая, что в ее основе лежит «искажённая экклесиология» (с. 1198). Не столь детально доказанным, но одинаково важным оказывается другое его заключение, — что «теория первенства чести и власти по своей сути сопоставима с теорией первенства в римо-католицизме» (с. 1305). Проницательным и тревожным представляется наблюдение автора о «прогрессировании теории первенства в сторону духовного тоталитаризма» (с. 1174).

Основное внимание отец Дионисий уделяет способам построения изучаемой им теории и характеру аргументации, положенной в ее основание. В разных главах своей объемной диссертации автор с помощью анализа источников и исторических фактов виртуозно демонстрирует как те или иные заявления современных защитников властного первенства Константинопольского патриарха оказываются совершенно голословными, глубоко порочными в своем обосновании или просто ложными; как они вступают в непримиримое противоречие с освященной временем традицией и искажают соборный дух, присущий устройству Православной Церкви. В какой-то момент автор замечает, что «достаточно избирательное отношение к фактам и информации оказалось свойственно всем сторонникам теории первенства» (с. 234). В конечном счете, на основании большого количества наглядных примеров отец Дионисий объявляет суровый приговор совокупной доказательной базе критикуемой им теории, по сути, уличая ее создателей и апологетов в тотальной фальсификации. Один из тезисов, вынесенных на защиту, гласит: «В основании теории первенства лежат произвольные интерпретации богословских текстов, терминов и канонических правил, а также отсылки к отдельным фактам церковной истории, которые неправомерно преподносятся в качестве общезначимых прецедентов, а в ряде случаев намеренно искажаются по смыслу» (с. 182). На наш взгляд, данный тезис можно считать в диссертации в полной мере доказанным: автору действительно удалось, как он и намеревался, «показать полную богословскую и церковно-каноническую несостоятельность теории первенства Константинопольского патриарха» (с. 174). Полученные им выводы, без сомнения, наносят

существенный удар по авторитету новоявленной теории и по репутации ее сторонников.

На этом фоне бросается в глаза принципиальная установка автора на максимальную объективность в своей критике. Игумен Дионисий не ограничивается пересказом или кратким изложением взглядов сторонников теории первенства, а приводит развернутые прямые цитаты из их трудов, в результате чего читатель постоянно видит подлинные высказывания оппонентов. Все это позволяет составить объективное и цельное представление о претензиях Константинопольского Патриархата и об их аргументации. Благодаря такому способу подачи информации оценки автора не выглядят ни натянутыми, ни преувеличенными, а работа приобретает характер добросовестного и образцового научного анализа.

Столь же хорошо видны пастырское переживание автором изучаемой им проблемы и его миролюбивый настрой, которыми проникнут весь текст диссертации. Работа написана в подчеркнуто уважительном тоне по отношению к оппонентам, и везде автор оставляет пространство для диалога, призывая не столько признать неправоту, сколько «совершить серьезную работу над ошибками» (с. 1165). Для отца Дионисия особенно важно показать присутствие альтернативной линии в греческом богословии, пусть она в данный момент немногочисленна и «заглушается при помощи административных и политических средств» (с. 1199). По его ощущениям, непоколебимая позиция перечисленных им грекоязычных богословов «среди верующих приобрела больший авторитет, нежели однотипные аргументы сторонников теории первенства» (с. 1266).

Обращаясь к понятийной стороне исследования, стоит отметить, что наряду с искаженным пониманием первенства автор специально выделяет еще одну характерную черту церковной политики Константинопольского Патриархата, которой другие исследователи уделяют гораздо меньше внимания. Речь идет об односторонности, критике которой посвящено немало места в диссертации. По наблюдениям отца Дионисия, «односторонние деяния» стали «некоей нормой деятельности» Константинопольского патриарха (с. 126) и «доминирующей линией отношения Константинопольского патриарха к другим Поместным Православным Церквам» (с. 271). Автор вскрывает взаимосвязь односторонности и первенства, показывая, что «логика теории первенства, доведённая до крайности, позволяет её сторонникам оправдывать односторонние действия вне зависимости от их последствий для верующих других юрисдикций» (с. 1323). Отец Дионисий, напротив, исходит из того, что «соборной экклесиологии Православной Церкви чужд дух односторонности, который является определяющим в теории первенства» (с. 824). Учет этого аспекта помогает лучше понять общий замысел диссертации и то, почему автор так резко противопоставляет первенство принципу соборности, которые в господствующей ныне теории считаются нераздельно связанными.

Еще одним важным идейным вкладом автора является заслуженная критика решений Константинопольского собора 1872 года, известного своим осуждением т. н. ереси филетизма. Значение этого собора настолько

преувеличено в современном православном богословии, что Критский собор 2016 г. провозгласил его «обладающим вселенским авторитетом». В русской богословской традиции наоборот преобладающим было совсем другое к нему отношение. К примеру, К. Е. Скурат делал акцент на том, что «осуждение... “филетизма”, вынесенное на Константинопольском Соборе 1872 года... имеет местное значение — для Константинополя. Православная Полнота не приняла решений этого Собора»¹. В самом деле, Константинопольский собор 1872 г. представляет собой довольно печальное и неприглядное событие в истории Православной Церкви, которому давно надлежит дать подобающую оценку. Отец Дионисий совершенно прав в своем основном выводе, что «решение Собора во многом было обусловлено субъективными амбициями представителей Константинопольского Патриархата и не имело достаточных предпосылок» (с. 873). Не менее значимо еще одно его замечание, касающееся современного развития темы филетизма: «Обвинения в этнофилетизме против балканских Поместных Церквей и Русской Православной Церкви оказались своеобразным бумерангом для новаторов Константинопольского Патриархата, которые всё более и более формируют православную идентичность своих Поместных Церквей на основании греческого этноса» (с. 1032).

Не до конца убедительной в авторском изложении нам показалась попытка связать решения собора с «защитой первенства патриарха Константинопольского» (с. 872). В соответствующей главе диссертации не приводится ни одного примера из самих источников, подтверждающего заявленный тезис². Предложенный анализ соборных документов не дает возможности наглядно убедиться и в том, что в решениях собора проводилось «чёткое разграничение между Поместными Церквями и Вселенской Церковью» (с. 858), под которой имелась в виду «Великая Церковь Константинополя, вселенская и универсальная» (с. 852). К сожалению, заявление автора о том, что «осуждение болгар... основывалось на произвольной еkkлесиологии» (с. 872) осталось недоказанным, а ведь подобное заключение приобрело бы большую ценность, помогая лучше понять генезис константинопольской лжеекклесиологии на ранних этапах. По нашему мнению, в данном аспекте интерпретация собора 1872 года отцом Дионисием получилась несколько анахронистической, то есть основанной на современном восприятии его решений, а не на реальном содержании его источников.

Гораздо более впечатляющим является обстоятельный анализ еkkлесиологической концепции митрополита Иоанна (Зизиуласа) (с. 1035–1058). Схожий обзор можно встретить в ряде других современных исследований, но у отца Дионисия получилось взглянуть на построения этого известного и уважаемого богослова совсем с другой стороны, показав их

¹ Скурат К., проф. Константинопольский Патриархат и проблема диаспоры // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 10. С. 47–48.

² Слова М. Гедеона о том, что султанское решение об образовании Болгарского экзархата «поставило под угрозу привилегии и права [Константинопольской] Церкви» (с. 870), относятся все же к правам Патриархата в Османском государстве, а не в Православной Церкви, на которые никакой фирман иноверного правителя, очевидно, никак повлиять не мог.

«инновационный характер по отношению к традиционному учению Церкви» (с. 1056). Подобные критические суждения представляются весомым вкладом в дело развенчания того сияющего ореола, которым окружены личность и труды митрополита Иоанна в современном православном богословии. Отец Дионисий деликатно воздерживается от оценок эkkлeзиологии греческого иерарха, но признает, что она принесла очень горькие плоды. По словам автора, «воззрения митрополита Пергамского стали своеобразной богословской нормой для сторонников теории первенства, нанесшей огромный вред церковному единству» (с. 1058).

Очень своевременной является критика автором нынешнего регламента Всеправославного собора, и конкретно — права его созыва Константинопольским патриархом. Данное право было делегировано Предстоятелю Константинопольской Церкви другими Поместными Церквями в 1968 г. Отец Дионисий замечает, что присвоение такого права Константинополю сделало его в конечном счете «главным благополучателем в сложной конфликтной ситуации» (с. 1292), потому что, как объясняет автор, тот, кто имеет право созывать собор, на самом деле имеет возможность и отказываться от его проведения, что ровно и произошло в ходе текущего церковного кризиса. Нельзя не согласиться и со следующим суждением диссертанта, что «тезис о праве Константинопольского патриарха созывать Всеправославный Собор ошибочен в любом случае. Он уже воспользовался этим правом и исчерпал единожды предоставленную ему возможность после проведения Критского Собора в 2016 г.» (с. 1293).

Несмотря на все положительные стороны диссертации, нельзя не признать, что сама ее конструкция несколько уязвима с академической точки зрения, хотя нам это представляется несколько не омрачающим общее впечатление от этого замечательного исследования. Единственное, на что, пожалуй, стоит обратить внимание, не в порядке критики, а применительно к авторской концепции, это на отсутствие в работе вынесенного в специальную главу или раздел детального прояснения того, каким образом православным богословам следует соотносить принципы соборности и первенства, как должно выглядеть допустимое в нынешней ситуации первенство и каковы принципиальные конститутивные особенности, отличающие его от первенства ложного, отраженного в критикуемой автором современной богословской теории. Недостаточная проработка такого рода четкого понятийного противопоставления приводит к тому, что некоторые высказывания игумена Дионисия о первенстве и о его функции в Православной Церкви выглядят противоречивыми. Так, с одной стороны, автор характеризует первенство как «традиционное понятие эkkлeсиологии» (с. 85), а с другой обращает внимание на то, что митрополит Иоанн (Зизиулас) вносит «учение о первенстве», принадлежащее к области «каноники», «в церковную догматику» и считает их «неотделимыми» (с. 1051). Кирилл Говоруна отец Дионисий критикует за то, что тот считает первенство «относительным», то есть принадлежащим к «внешней надстройке» (с. 86), но сам же при этом утверждает, что «первенство может быть “полезным” в определённые моменты истории, но оно не может

быть обязательным, ибо в таком случае происходит искажение учения о Церкви» (с. 1055). В одном месте говорится о возможности «гармонии между соборностью и первенством» (с. 360), а в другом, что «первенство не является другой органической стороной соборности, но вступает с принципом соборности в сильное и непреодолимое противоречие» (с. 381), и т. д.

Можно предположить, что автор в этих суждениях иногда подразумевает принципиально разные типы первенства, однако чувствуется недостаток методологического «ключа», который позволил бы в каждом случае однозначно понимать, на каких основаниях некое «первенство» одобряется, а некое иное «первенство» осуждается. В результате у читателя создается впечатление, что автор очень четко понимает, что он критикует, но не может так же четко предъявить, что он защищает. Это видно также в случае его апелляции к традиции и к соборной экклезиологии, которые на протяжении всей диссертации по большей части представлены в виде авторских тезисов и наборов разнородных цитат. Вновь ощущается нехватка систематизирующего положительного раздела, где подробно и с опорой на представительную базу источников излагалось бы положительное экклезиологическое учение о соборности и о понимании первенства — то есть то, что автор противопоставляет критикуемой теории.

Полагаем, что это не столько частный изъян одной диссертационной работы, сколько отражение объективной ситуации, сложившейся в современной православной богословской мысли. У православного богословия на текущий момент нет общедоступной и эффективной прививки от распространения новой болезни, на чем откровенно паразитируют сторонники теории первенства. Очевидно, что проблема — в современном состоянии самого богословия. Требуется на более фундаментальном уровне разобраться в отправных вопросах, таких как понимание первенства, роль и функции первенствующего престола, полномочия церковных соборов, образ и права высшей инстанции в Церкви. Вызов, который сейчас стоит перед богословами, гораздо масштабнее, чем простая защита традиции. Нужно не просто предъявлять традицию, а заново кропотливо реконструировать церковное учение применительно к новой исторической ситуации, на новом современном языке и путем отхода от устойчивых штампов школьного богословия, сложившихся совсем в других условиях. Простая апелляция к традиции уже не работает, потому что создатели новой экклезиологии основываются вовсе не на традиции. Они строят свою теорию под решение актуальных задач, а из традиции выбирают только то, что отвечает их новаторским построениям. Для самого отца Дионисия не секрет, что «суть теории первенства лежит не в области богословия, а в сфере властных притязаний» (с. 1307). Показать несостоятельность теории первенства можно только одним путем, — выстроив более убедительную альтернативную модель, которая будет равным образом и традиционна и продуктивна для организации жизни Церкви на современном этапе. По сути, отец Дионисий сам пишет об этом, — там, где он говорит о необходимости для решения современных церковных проблем «задать

правильную систему координат» (с. 1126), которая уже не будет такой, какой она была в Византийской империи.

В любом случае, двигаться по этому пути невозможно без точной постановки проблемы и формулирования приоритетных задач, для чего всегда нужно проделывать большую подготовительную работу. Отец Дионисий совершенно прав, говоря, что «сейчас едва ли уместны компромиссные варианты, но остаётся роль богословской науки, образования и просвещения, которые могут помочь искренне скорбящим и желающим восстановить истинное мирное и созидательное единство Поместных Православных Церквей» (с. 824). Неоценимый вклад в это дело вносит настоящая диссертация, которая имеет не только академическое, но и прямое церковно-практическое значение, поскольку в ней предложена научно обоснованная аргументация для защиты соборного устройства Церкви и построения новой модели церковного единства.

Диссертация игумена Дионисия (Шлёнова) является самостоятельным, завершённым и оригинальным исследованием. Работа отличается высокой актуальностью, научной новизной, фундаментальной источниковедческой базой, обоснованной методологией и практической значимостью. Автором проработан колоссальный массив источников и литературы на разных языках. Результаты исследования прошли широкую апробацию, что свидетельствует о высоком уровне авторских изысканий и их востребованности в профессиональном сообществе.

Диссертация игумена Дионисия (Шлёнова) полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора богословия, а ее автор, без всякого сомнения, заслуживает присвоения ученой степени доктора богословия.

Официальный оппонент:

св.иер. П. Ермилов

священник Павел Валерьевич Ермилов

доктор теологии,

заведующий лабораторией исследований церковных институций
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,

доцент кафедры систематического богословия и патрологии

Богословского факультета ПСТГУ

127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6

тел. 84951145088